

ЕЩЕ РАЗ ОБ ИМПЕРИИ ГНЕЯ ПОМПЕЯ¹

Автор рассматривает гипотезу, выдвинутую А.В. Коптевым, о том, что на раннем этапе карьеры (до первого консульства) Помпей не был частным лицом и обладал военной властью в силу занятия претуры. В статье предпринята попытка продемонстрировать, что свидетельства источников о статусе Помпея как *privatus cum imperio* в данный период времени слишком многочисленны и достоверны, и А.В. Коптеву не удалось их убедительно опровергнуть. По мнению автора, нет оснований отказываться от традиционного представления о правовом положении Помпея в 82–71 гг. до н. э.

Ключевые слова. Помпей, Цицерон, Ливий, империй, ауспиции, магистрат, промагистрат, претор, легат, *privatus cum imperio*.

В 4-м номере «Вестника древней истории» за 2013 г. была опубликована статья А.В. Коптева «Гней Помпей Магн – *privatus cum imperio*»². В ней предпринята попытка проанализировать карьеру Помпея и его мероприятия во взаимосвязи с развитием римских правовых норм и представлений, относящихся к империи и ауспициям. Автор приходит к выводу, что сведения о карьере Помпея до 67 г.³ были серьезно искажены античными авторами для того, чтобы представить его историческим примером и образцом для положения принцепса в государстве. В действительности, по мнению А.В. Коптева, лишь закон Габиния впервые сделал Помпея *privatus cum imperio*, а ранее он обладал военной властью в силу того, что занимал претуру. В первой части статьи А.В. Коптев строит модель функционирования империя римских магистратов и его взаимосвязи с куриатным законом и ауспициями. Далее он применяет эту модель к карьере Гнея Помпея и излагает собственную версию событий конца 80-х – начала 60-х годов, исследует некоторые конфликты 50-х годов, связанные с правом наместников на военное командование и триумф, и рассматривает последствия закона Помпея о наместниках провинций. Наконец, он анализирует отражение данных событий в источниках эпохи Августа и последующего времени и предлагает объяснение противоречий, возникающих между его версией событий и сведениями античных авторов. Все эти проблемы представляют для меня немалый интерес; однако когда я ознакомилась со статьей А. В. Коптева, у меня возникло множество вопросов и возражений, которыми хотелось бы поделиться.

Сразу должна признать, что проблема соотношения куриатного закона, ауспиций и империя представляется мне чрезвычайно сложной, и судить о том, насколько убедительное решение предложил А.В. Коптев, должны специалисты по римской религии и государственному праву, к числу которых я себя не отношу.

Любимова Ольга Владимировна – соискатель на кафедре истории древнего мира и средних веков Уральского федерального университета.

¹ Я хотела бы выразить искреннюю благодарность А.В. Зайкову и В.В. Дементьевой за ценные замечания и критику.

² Коптев 2013, 85–111.

³ Все даты в статье – до нашей эры.

Данный вопрос всегда вызывал у исследователей большие споры; в частности, в последние два года опубликовано две работы на данную тему, и автор одной из них считает, что куриатный закон не имел отношения к ауспциям магистратов⁴, а автор другой – что куриатный закон определял, какие ауспicii дозволено получить магистрату: высшие или низшие⁵. Так или иначе, но обе эти теории изложены вполне ясно и выглядят внутренне логичными. К сожалению, сказать это о модели, предложенной А.В. Коптевым, я не могу: в его рассуждениях я вижу противоречия и неясности, которые не удается устранить.

На с. 85–86 А. В. Коптев, рассматривая события 327 г., пишет: «Магистрат слагал свой военный империй, пересекая римский померий. Если же он не мог отлучиться с театра военных действий, империй продолжал оставаться у него даже по окончании магистратского срока. Именно потому, что империй оставался в руках Публилия, сенат был вынужден продлить ему полномочия». А.В. Коптев явно отличает империй от «полномочий», но сразу возникает вопрос: какой латинский термин должен соответствовать здесь «полномочиям» (*magistratus? potestas? imperium domi? iuris dictio? provincia?*)? Из чего следует, что продлено было что-то еще, кроме империя, – ведь у Ливия (VIII. 26. 7) говорится именно о *prorogatio imperii*? Если империй продолжал действовать автоматически, то что изменилось от продления «полномочия» Публилия⁶? Далее в тексте автор снова упоминает об империи и «полномочиях», как о вещах, отличных друг от друга: «магистраты имели достаточно времени, чтобы завершить кампанию и вернуться в Рим для сложения и полномочий, и империя» (с. 86), «Ливий пишет о продлении империя (*imperii prorogatio*), а не магистратских полномочий» (с. 87); после этого вызывает недоумение утверждение в прим. 19 на с. 89 о том, что «в источниках империй не выглядит какой-то особой властью, отличной от магистратской» – оно прямо противоречит тому, что автор писал ранее.

Далее, на с. 86 А.В. Коптев пишет: «Магистрат, срок полномочий которого, определенный ему народом, истек, вернувшись в Рим, складывал военный империй насовсем. Если же он не пересекал померий, империй мог оставаться у него сколь угодно долго. В таком случае он действительно оказывался в положении *privatus cum imperio*. (...) Число таких *privati cum imperio* особенно увеличилось в годы второй Пунической войны. Паллиативом этому положению было принятие сенатом решения о пророгации империя для выполнения нового поручения». Эта мысль также непонятна. Если империй сохранялся у командира сколь угодно долго, пока он не пересечет померий, то для чего требовалась пророгация империя и что она давала обладателю империя? В каком смысле здесь можно говорить о паллиативе (т.е. полумере) и какую проблему он позволял решить?

Понимание осложняется тем, что на с. 88 А.В. Коптев пишет: «передав провинцию преемнику, бывший проконсул, сохраняя империй, еще не становился частным лицом». Но ведь совсем недавно, во фрагменте, который я цитирую в предыдущем абзаце, автор писал о магистратах с продленным империем как раз как о *privati cum imperio*. Получается, что, пока проконсул с продленным империем управляет

⁴ Сморгков 2012, 39–63.

⁵ Humm 2013, 60–84.

⁶ Кстати, можно также отметить неточность автора: согласно Ливию, продление полномочий было оформлено не постановлением сената (которое, видимо, было лишь предварительным), а решением народного собрания, см. *Liv.* VIII. 23. 12: «С трибунами договорились предложить народу, чтоб по окончании консульства Квинт Публилий Филон вплоть до окончания войны с греками продолжал дело как проконсул» (пер. Н.В. Брагинской).

провинцией, он является частным лицом, но после того, как передает провинцию преемнику – уже не является?

Возможно, ответ кроется в следующем рассуждении автора о промагистратах с продленным империем: «Не будучи магистратом римского народа (т.е. *формально* оставаясь *privatus*), такой носитель империя *фактически* уже не был частным лицом. (...) В роли *pro consule* или *pro praetore* носитель империя уже не выглядел частным лицом, хотя и не был магистратом» (с. 86). Однако, к сожалению, понять его мне не удалось. В моем представлении, *privatus* и *magistratus* – это правовые, т.е. именно формальные статусы граждан. Что стоит за выражениями «фактически не был частным лицом», «не выглядел частным лицом»? Если речь идет просто о том, что некто *внешне выглядит* похоже на магистрата, то, вероятно, так выглядели и полководцы, набравшие армию от своего имени и на свои средства, что, однако, не делало их магистратами ни формально, ни фактически.

На с. 88–89 А.В. Коптев пишет: «Конечно, народ имел право отобрать у магистрата империй, который он сам ему предоставил (...) Однако принятие народом решения об *abrogatio imperii* не влекло за собой автоматически лишение этой власти его носителя. Если *prorogatio imperii* означало продление военных полномочий их обладателю и не влекло за собой никаких его действий, то *abrogatio imperii* требовало исполнения обряда пересечения римского померия». Остается непонятным, как мог быть реализован механизм, предполагаемый автором. По-видимому, А.В. Коптев полагает, что народ принимал решение, которое обязывало носителя империя пересечь померий. Однако как можно было обеспечить исполнение этого решения? Что, если бы полководец ему не подчинился, – он мог бы сохранять за собой империй сколь угодно долго? Что если лишить империя требовалось консула, который и так находился в пределах померия?

На с. 89 А.В. Коптев пишет: «Частное лицо не могло пользоваться *auspicia publica*. Магистрат выбирался комициями и таким образом выступал представителем римского народа, а обладание *auspicia publica* позволяло ему представлять римскую общину перед богами. Военный империй давался ему как представителю народа за пределами Рима». Здесь сразу возникает вопрос: если в 67 г. Помпей получил свои полномочия в результате голосования комиций и, следовательно, тоже выступал как представитель римского народа, – следует ли считать, что в 67–62 гг. он не был *privatus*? Все дальнейшее содержание статьи как будто предполагает отрицательный ответ на этот вопрос. Следовательно, по мнению автора, отличие магистрата от *privatus* не сводится к тому, что первый избирался комициями, а второй – нет; однако в чем же оно состоит, автор нигде четко не формулирует.

На с. 90 говорится: «Очевидно, командование войсками и обладание военным империем были у римлян совершенно разными вещами. Полководец обозначался термином *dux* – от глагола *duco*, *egere* – “предводительствовать, руководить войсками”. Ливий прямо указывал, что “в качестве полководца (*dux*. – *О.Л.*) мы признаем только того, под чьими ауспигиями ведется война”». Однако на с. 89, как мы только что видели, А.В. Коптев пишет, что «частное лицо не могло пользоваться *auspicia publica*». Тогда надо сделать вывод, что, согласно Ливию, частное лицо не может быть признано *dux*. Таким образом, *dux* – это всегда магистрат. Тогда в чем разница между командованием войсками и обладанием империем?⁷

Следует также отметить, что А.В. Коптев не всегда верно излагает точку зрения других исследователей. Так, на с. 85 он пишет: «Теодор Моммзен относил к *privati*

⁷ Следует отметить, что весь данный пассаж Ливия (IV.20) заслуживает больше внимания, чем то, которое уделил ему А.В. Коптев; см. об этом ниже.

cum imperio три категории лиц. Во-первых, это те бывшие высшие магистраты, которые получили продление (prorogatio) своих полномочий (pro consule или pro praetore), не слагая их с себя. Во-вторых, бывшие магистраты с империем, которые сложили с себя полномочия и превратились в частных лиц, однако оказались в положении военных командиров, то ли сохранив военный империй, то ли получив его заново. И наконец, в-третьих, privati cum imperio могли быть лица, не избиравшиеся на должность с империем, но получившие последний sine magistratu от народа, сената или делегацией высшего магистрата благодаря своим личным качествам». Ссылка приводится на второе издание работы Т. Моммзена «Римское государственное право» (1876 г.) и на статью Дж. Ричардсона⁸. Однако в указанном издании Т. Моммзена на с. 642 рассматриваются городская претура и городская префектура, а privati cum imperio упоминаются на с. 619–620, что соответствует с. 642 третьего издания (1887 г.), на которую ссылается в своей статье Дж. Ричардсон. Однако и на этой странице трехчленная схема у Моммзена отсутствует, а речь лишь идет о том, что в эпоху Республики продление магистратуры по сути представляло собой предоставление чрезвычайного командования, однако для римского политического сознания сохранение за действующим магистратом его положения дольше обычного срока было более приемлемо, чем предоставление частному лицу статуса магистрата⁹. О трех категориях privati cum imperio пишет не Моммзен, а сам Ричардсон, у которого, однако, эта классификация выглядит иначе, чем излагает ее А.В. Коптев, а именно: «Немагистраты (т.е. частные лица) с империем магистратов pro consule или pro praetore, назначенные либо 1) путем продления уже существующего командования, либо... 2) голосованием того или иного народного собрания; либо... 3) посредством назначения обладателей империя городским претором по приказанию сената» (Richardson 1991, 3).

Еще один пример неточного изложения позиции другого автора можно встретить на с. 86 в прим. 5. А.В. Коптев пишет о том, что некоторые исследователи, в том числе Э. Грюэн, не учитывают различие между магистратурой и империем и необоснованно отождествляют всякое приобретение империя в необычных обстоятельствах (extra ordinem) с получением его частными лицами – например, пятое консульство Гая Мария, когда он не мог посетить Рим, чтобы вступить в должность. На мой взгляд, точка зрения Грюэна излагается здесь неверно. В указанном месте¹⁰ он приводит последовательные пять консульств Мария как пример длительного командования, но о Марии как privatus cum imperio он говорит только применительно к его назначению против Митридата в 88 г.¹¹ Более того, из текста на с. 535 вполне очевидно, что Грюэн считает назначение privati лишь частным случаем imperia extra ordinem¹².

⁸ Mommsen 1876, 642; Richardson 1991, 3.

⁹ Mommsen 1887, 642: Genau genommen ist dies nichts als die Ertheilung eines ausserordentlichen Commandos; der Beschluss zu Gunsten des Philo und derjenige, der dem Privaten P. Scipio im J. 543 proconsularisches Commando in Spanien übertrug, ruhen rechtlich auf demselben Fundament. Indess die für den politischen Sinn der Römer bezeichnende Scheu vor allen Ausnahmestellungen hat begreiflicher Weise sich viel lebhafter aufgelehnt gegen die Uebertragung einer magistratischen Stellung auf einen Privaten als solchen als gegen das Verbleiben eines fungirenden Magistrats in dieser seiner Stellung über die normale Zeit hinaus.

¹⁰ Gruen 1974, 538.

¹¹ Gruen 1974, 537.

¹² Gruen 1974, 535: Wherein lay the dangerous innovations of the late Republican *imperia extra ordinem*? Several aspects have been deemed troublesome: the appointment of *privati*, instead

На с. 91, излагая сообщение Плутарха о том, как в 83 г. Сулла назвал Помпея императором, несмотря на то, что тот присвоил себе военную власть по собственному почину, А.В. Коптев пишет: «Джон Лич усматривает в словах Суллы долю иронии, ибо статус обоих был нелегитимным – Суллы как диктатора и Помпея как предводителя частной армии». Однако по мнению Дж. Лича, нелегитимность Суллы состояла не в том, что он был диктатором (эту должность он занял лишь в конце 82 г., причем именно для того, чтобы легитимизировать свое положение, ср. App. BC. I. 89), а в том, что он был объявлен врагом государства¹³.

На с. 87 А.В. Коптев со ссылкой на Т. Карни¹⁴ пишет, что «Сулла установил 30-дневный срок возвращения наместников провинций в Рим после окончания их полномочий». Однако Т. Карни (на с. 73, а не 72) пишет о 30 днях с момента прибытия преемника, а не с момента окончания полномочий. Это неточность существенно затрудняет понимание мысли автора: ведь если вся власть проконсула или пропретора состояла в военном империи (как пишет А.В. Коптев на с. 87), а империй сохранялся у него сколь угодно долго, пока он не пересечет померий (с. 86), то что конкретно здесь имеется в виду под окончанием полномочий наместника?

Подводя итоги теоретического рассмотрения вопроса, А.В. Коптев приходит к следующему выводу (с. 90): «Есть сомнение в самой возможности частному лицу обладать военной властью (*imperium militiae*). Конституционный принцип позволял наделять империем только магистратов римского народа, но никак не частных лиц». Не обладая достаточными знаниями по этому вопросу, я не берусь оспаривать данный вывод, однако признаю, что мне не совсем понятно, как он получен; аргументы, приведенные автором, не складываются в единое целое.

Фактическая сторона дела, т.е. политические события последних десятилетий Республики, знакомы мне несколько лучше. Аргументация А.В. Коптева, непосредственно затрагивающая эти события, содержит, как мне представляется, существенные ошибки, которые не позволяют согласиться с его точкой зрения.

На с. 88 автор рассматривает правовое положение Цицерона в 49–47 гг., когда он уже передал провинцию Киликия своему преемнику, однако сохранял империй в ожидании триумфа. Он пишет: «В письмах в период между 10 февраля и началом мая 49 г. сам Цицерон и его корреспонденты – Помпей, Цезарь, Луций Корнелий Бальб, Маций и Требаций, Антоний – именуют его императором, имея в виду, что он сохраняет свой империй». Однако это неверно: корреспонденты называют так Цицерона потому, что в Киликии он был провозглашен императором и имел право на триумф. Во всей официальной переписке этого времени Цицерон последовательно именуется императором, а, например, Помпей и Агенобарб – проконсулами, хотя последние тоже, как и Цицерон, имели империй – однако аккламации не имеют (Cic. Att. VIII. 11a, 11b, 11c, 12a, 12b, 12c, 12d).

На с. 89 А.В. Коптев приводит отказ народа поручить Сципиону Эмилиану войну против Аристоника в 131 г. как подтверждение того, что частное лицо не могло пользоваться *auspicia publica*. Представляется, однако, что данный эпизод этого не доказывает. Цицерон (Phil. XI. 18) говорит о том, что вопрос о командовании

of duly elected magistrates, to important military tasks; the protracted tenure and broad powers accorded to appointees; the increased involvement of the popular assemblies in provincial decisions previously disposed of by the senate. Далее три этих аспекта рассматриваются раздельно.

¹³ Leach 1978, 25: In fact the twenty-two-year-old Pompey was the general of a private army, a position as illegal as that of Sulla, who had been declared a public enemy several years earlier. There may well have been a certain amount of irony in Sulla's reply.

¹⁴ Carney 1959, 72.

против Аристоники решался народным голосованием (*rogatus est populus, quem id bellum gerere placeret*), и народ избрал консула Красса Муциана, а не частное лицо Сципиона Эмилиана, за которого проголосовало всего две трибы (*duas tamen tribus solas tulit*). Если бы частное лицо не имело юридической возможности получить империй, то Эмилиан не был бы допущен к соисканию (по крайней мере, можно было бы ожидать упоминаний Цицерона о протестах Муциана, который уже не допустил к этому командованию своего коллегу Флакка). В данном же случае народ свободно мог предоставить командование любому из кандидатов, но предпочел Красса Муциана, и вполне возможно, что истинная причина такого решения заключалась не в правовом статусе Эмилиана, а в его непопулярности¹⁵.

На этой же странице А.В. Коптев рассуждает об Октавиане как о частном лице во главе войска и пишет следующее: «19-летний Октавиан в 43 г. оказался во главе ветеранов Цезаря, но империй получил после смерти консулов Гирция и Пансы (RGDA I. 1)». Однако в «Деяниях» сказано обратное – Октавиан получил империй при жизни консулов: «В консульство Г. Пансы и А. Гирция сенат почетными постановлениями ввел меня в свое сословие, причислив к консулярам с правом высказывать свое мнение вместе с ними, и наделил меня империем. Сенат приказал мне, пропретору, вместе с консулами заботиться о том, чтобы государство не понесло какого-либо ущерба» (пер. А.Л. Смышляева). Эта ошибка тем более удивительна, что на с. 108 автор сам цитирует этот фрагмент «Деяний».

На с. 90 (ср. с. 105) А.В. Коптев пишет о том, что римляне негативно воспринимали идею наделения империем частных лиц и в доказательство приводит пассаж Цезаря (BC. I. 6. 5)¹⁶. Мне представляется, что главная мысль Цезаря состоит не в том, что люди, о которых он говорит, не занимают никаких магистратур: если в первом предложении приведенной цитаты он называет их *privati*, то в третьем речь уже идет о *praetores*, хотя, строго говоря, они были преториями, получившими империй в ранге пропреторов¹⁷. Цезарь подчеркивает, что лица, назначенные наместниками, во-первых, получили империй без народного голосования (*neque exspectant, quod superioribus annis acciderat, ut de eorum imperio ad populum feratur*)¹⁸, и, во-вторых, имеют при себе ликторов в пределах померия (*lictoresque habent in urbe et Capitolio privati contra omnia vetustatis exempla*), т.е. будучи промагистратами, ведут себя как магистраты. По всей видимости, прежде всего эти обстоятельства, по мысли Цезаря, и должны были вызвать у его читателей негативную реакцию. Но оба этих возражения (назначение без голосования и использование ликторов в пределах померия) были бы неприменимы к назначению Помпея против пиратов и Митридата в 67 и 66 гг. (как и вообще к тем случаям, когда частному лицу народным голосованием предоставляется военное командование, – например, к назначению Сципиона Старшего в 210 г. или Мария в 88 г.). Таким образом, данное место

¹⁵ Astin 1967, 234.

¹⁶ *Provinciae privati decernuntur duae consulares, reliquae praetoriae. Scipioni obvenit Syria, L. Domitio Gallia; Philippus et Cotta privato consilio praetereuntur, neque eorum sortes deiciuntur. In reliquis provincias praetores mittuntur. Neque exspectant, quod superioribus annis acciderat, ut de eorum imperio ad populum feratur paludatique votis nuncupatis exeant. Consules, quod ante id tempus accidit nunquam, ex urbe profisciscuntur, lictoresque habent in urbe et Capitolio privati contra omnia vetustatis exempla.*

¹⁷ Broughton 1952, 257–264.

¹⁸ Cuff 1958, 466–467; Marshall 1972, 894, nt. 27. По мнению первого из авторов, Цезарь порицает процедуру назначения наместников, установленную законом Помпея в 52 г., как таковую, по мнению второго автора – только нарушение данной процедуры в 49 г.

у Цезаря, на мой взгляд, не доказывает, что римляне плохо воспринимали любое наделение империем частного лица.

На с. 92, рассматривая назначение Помпея на Сицилию, А.В. Коптев подчеркивает стремление Суллы вознаградить всех своих сторонников¹⁹ и высказывает предположение: «Не следует ли думать, что за поддержку высадившегося в Брундизии Суллы Помпей был вознагражден избранием его на должность претора Сицилии? В 81 г. Сулла добавил к шести имевшимся преторам (...) еще две или четыре преторские должности. В качестве полководца Помпей мог претендовать на должность с империем, а по возрасту был еще молод для городской претуры или консулата». Против этого предположения можно выдвинуть сразу два аргумента. Во-первых, Помпей был направлен на Сицилию в 82, а не в 81 г. – вероятно, еще до битвы у Коллинских ворот и назначения Суллы диктатором, следовательно – до выборов магистратов на 81 г.²⁰ Во-вторых, согласно предложенной А. Эстином реконструкции Виллиева возрастного закона, который еще действовал в 82 г., возрастной ценз для всех преторов был одинаков – 39 лет (впоследствии Сулла сохранил это требование в своем возрастном законе), и в силу своего возраста Помпей в равной мере не имел права претендовать ни на городскую, ни на сицилийскую претуру²¹. В качестве еще одного аргумента в доказательство того, что Помпей в 81 г. занимал должность претора, А.В. Коптев приводит то, что «Аппиан (BC. I. 95) и Плутарх (Moralia 203C) называют Помпея среди “стратегов” Суллы, т.е. термином, эквивалентным латинскому “претор”» (с. 92). Строго говоря, Аппиан в указанном месте как раз отделяет Помпея от «стратегов» Суллы²², но важнее другое: хотя в техническом смысле греческий термин *στρατηγός* действительно может означать претора, однако он часто используется в более широком значении «полководец». Оба античных автора называют Помпея «стратегом» и в те периоды, когда он, по мнению самого А.В. Коптева, не занимал должности претора (App. BC. I. 90 – военные действия 82 г. против Карбона и Каррината в Италии; Plut. Pomp. 31. 2 – кампания 66 г. против Митридата); причем в этих же местах «стратегами» названы соответственно Красс и Лукулл, которые также преторами в тот момент не были. Именно эту особенность употребления термина *στρατηγός* отмечает Т.К. Бреннан, причем в том самом месте, на которое ссылается здесь А.В. Коптев²³.

¹⁹ В этих рассуждениях можно отметить небольшую неточность: А.В. Коптев пишет, что желание Суллы выдать за Помпея свою падчерицу Эмилию «привело к разводу Помпея с любимой женой Антистией». Однако рассказывая о первом браке и разводе Помпея, Плутарх ничего не сообщает о его привязанности к супруге; известно лишь, что благодаря помолвке с Антистией ему удалось добиться желательного для себя исхода судебного дела (Plut. Pomp. 4, ср. Plut. Pomp. 9; Sull. 33; Alexander 1990, 62–63; Seager 2002, 25).

²⁰ Broughton 1952, 73, nt. 1–2; Brennan 2000, 389; 785, nt. 2.

²¹ Astin 1957–1958, 64; Sumner 1973, 6–10; Brennan 2000, 392.

²² οἱ μὲν τοῦ Σύλλα στρατηγοὶ τὰς πόλεις ἐπιόντες τὰ ὑποπτα ἐφρούρουν, καὶ Πομπήιος ἔς τε Λιβύην ἐπὶ Κάρβωνα καὶ ἔς Σικελίαν ἐπὶ τοὺς ἐκεῖ Κάρβωνος φίλους ἐστέλλετο.

²³ Brennan 2000, 11: Consider, for instance, the terms *στρατηγός*, *στρατηγία*, and the like in the sources relevant to the later Republic. For Romans, we find the word denoting variously «praetor» (in the city or in the field), «pro praetor» (both by prorogation and through a special grant of imperium), and «consul». It can also mean «pro consule», a category that in turn can be subdivided into prorogued consuls, praetors (or ex-praetors) with enhanced imperium, and privati with special powers. A quaestor or a legatus can be called *στρατηγός* in our Greek sources. So can individuals holding an illegal command. Naturally, often it is just a generic term for «military commander». And sometimes *στρατηγοί* in the plural is used of a mixed group of individuals of various status.

Далее автор переходит к рассмотрению командования Помпея в Африке и начинает его словами «Под 79-м годом Ливий сообщает, что Гней Помпей вел войну в Африке и справил триумф» (с. 92). Вопрос о достоверности датировки Ливия, вызвавший среди исследователей немалые споры, А.В. Коптев не затрагивает. Однако для его рассуждений он весьма важен: если прав Э. Бэдиан, датирующий первый триумф Помпея 12 марта 81 г.²⁴, то крайне маловероятно, что Помпей одержал в Африке победу в должности претора: в 81 г. эти должностные лица, по-видимому, вступили в должность лишь около середины марта²⁵. Если же версия Э. Бэдиана, по мнению автора, ошибочна, то, пожалуй, следовало бы это оговорить – тем более, что альтернативой этой версии выступает 80, а не 79 г., каковая датировка сейчас отвергнута²⁶.

Утверждая, что Помпей командовал в Африке в должности претора, следовательно, имел право на триумф, А.В. Коптев стремится объяснить, почему в таком случае Сулла не желал его предоставить. Он предлагает две возможные причины, однако представляется, что ни одну из них нельзя признать основательной. Первая причина заключается в том, что «в Африке, когда Помпей был провозглашен солдатами императором, он воевал против Гнея Домиция Агенобарба. Триумф же давался за победу над врагами, а не согражданами. Поэтому предоставление Помпею триумфа за африканскую кампанию пятнало и его самого, и его покровителя Суллу» (с. 93). Однако в следующем же предложении автор признает, что «в конечном счете триумф был предоставлен за победу над нумидийским царем Иарбом». Если победа Помпея могла быть и была представлена как победа над иноземным народом, то по-прежнему непонятно, в чем состояли возражения Суллы. Вторая причина звучит так: «В 82–80 годах во главе республики стоял диктатор Сулла, которому принадлежал *summum imperium*. Так что формально Помпей одерживал победы, действуя под империем Суллы, и поэтому вроде бы не имел права на триумф»²⁷ (с. 93). Представляется, однако, что сам автор дезавуирует этот аргумент в примечании 50, где пишет о том, что «традиционная диктатура учреждалась только в пределах *ager Romanus*, так что полководец в провинции действовал и как бы под собственным империем»²⁸. Таким образом, вопрос о причинах, побудивших Суллу противиться триумфу Помпея, остается открытым. Ниже, на с. 108, автор решает данную проблему очень просто: «Помпей без труда получил желаемый триумф, что позволяет отнести “возражения Суллы” к риторическим упражнениям античных авторов». Возникает вопрос, к чему тогда были приведены предшествующие рассуждения о законных основаниях для отказа в триумфе? Да и само подобное утверждение представляет собой кольцевую аргументацию: ведь трудности Пом-

²⁴ Badian 1955, 107–118; 1961, 254–256; Brennan 2000, 544; Seager 2002, 29; Mader 2006, 397.

²⁵ Brennan 2000, 389.

²⁶ Smith 1960, 10–13.

²⁷ Вопрос о дате окончания диктатуры Суллы тоже очень спорен; многие авторы считают, что в 80 г. он уже не занимал должности диктатора. См. Santangelo 2007, 10, с библиографией.

²⁸ Правда, в пассажах, на которые ссылается А.В. Коптев (*Liv.* XXVII. 5. 15; 29. 5), речь идет не о территориальном охвате диктаторской власти, а о месте, где должен находиться консул, назначая диктатора. Свидетельство о том, что полномочия диктатора традиционно ограничивались Италией, содержится у Диона Кассия (XXXVI. 34. 2, речь Катугла в 67 г.); единственное исключение, о котором там говорится, – А. Атилий Калатин, назначенный в 249 г. на Сицилию (*Liv. Per.* 19).

пея состояли именно в том, чтобы преодолеть возражения Суллы. Представляется, что с аналогичными основаниями можно было бы заявить, например: «В конце концов, Тиберий Грахх без труда провел аграрный закон, что позволяет отнести “вето Октавия” к риторическим упражнениям античных авторов».

Переходя к командованию Помпея в войне против Лепида (с. 94)²⁹, А.В. Коптев перечисляет существующие точки зрения на эту проблему (Помпей был независимым от Катуга носителем преторского империя; Помпей был легатом Катуга; Помпей был легатом Катуга с пропреторским империем), однако мне не удалось понять, к каким выводам приходит автор. Если Помпей не имел империя, то почему он отказался подчиниться Катугу (Plut. Pomp. 17.3) и на каком основании заявил в 70 г., что все кампании проделал под собственным командованием (ibid. 22. 6)? Если Помпей имел империй, то каким образом он его получил? Если в результате назначения сената, то как это согласуется с утверждением автора на с. 89, повторенном на с. 94, о том, что империй мог принадлежать только тому, кого избрал народ? Если Помпей обрел военную власть в результате народного голосования, то был ли он избран на какую-то должность или получил империй без должности? В первом случае непонятно, какую должность он мог занять: к моменту его назначения все магистратуры на 78 г. уже были замещены, а выборы на 77 г. еще не состоялись (ср. Sall. Hist. I. 77. 22; Plut. Pomp. 16. 3, где сообщается, что Лепид требовал второго консульства, когда Помпей уже вел военные действия в Галлии). Если же Помпей получил империй без должности в результате народного голосования, то эта ситуация ничем не отличается от той, что имела место в 67 г., однако эту последнюю А.В. Коптев считает беспрецедентной.

Далее, на с. 95, А.В. Коптев переходит к испанскому командованию Помпея и рассматривает статус Испании как провинции. Автор пишет: «В 218 г. Испания стала проконсульской провинцией, а с 197 г. там были образованы две провинции, которые управлялись магистратами в ранге претора (Liv. XXXII. 27. 6; 28. 11; ср. App. Iber. 39). [Примечание 63: Со времен братьев Сципионов, воевавших в Испании в 218–211 годах, она была проконсульской провинцией, хотя посылавшиеся туда наместники имели ранг претора. См. Jashemski 1950, 122–128.] Видимо, проконсульский статус провинций не возбранял посылать туда (на преторскую должность) и бывших консулов. В 79 г. Испания Дальняя стала проконсульской провинцией, а Испания Ближняя преторской». К сожалению, этот текст тоже остался мне непонятным. В 218 г. Испания была назначена консулу П. Сципиону – следовательно, она была не проконсульской, а консульской провинцией. Если провинцией управляли наместники в ранге претора, то что дает основания называть ее проконсульской? Возможно, автор хочет сказать, что, согласно В. Яшемской, испанскими провинциями управляли преторы с проконсульским империем³⁰, но я не уверена, что имеется в виду именно это. Кого автор подразумевает под бывшими консулами, которых посылали в Испанию на преторскую должность? Согласно спискам В. Яшемской, на которые он здесь ссылается, до Суллы в Испанию, как

²⁹ Следует отметить, что Помпей вел военные действия не против самого Лепида, как неоднократно пишет А.В. Коптев, а против его сторонника М. Брута, наместника Цизальпийской Галлии (Plut. Pomp. 16; другие ссылки на источники см. Broughton 1952, 90). Этим и объясняется отмеченная автором особенность рассказа Аппиана (BC. I. 107), который «говорит, что против Лепида сражался Катуг, а Помпея даже не упоминает»: Аппиан описывает только сражение против самого Лепида под Римом, не затрагивая события под Мутиной.

³⁰ Jashemski 1950, 40–47.

правило, направляли либо преторов, либо консулов, которые в случае продления полномочий становились проконсулами³¹.

На с. 95–96 А.В. Коптев высказывает предположение, что в 77 г. Помпей «был избран на вакантную должность praetor pro consule Ближней Испании». Здесь, однако, упущен из виду тот факт, что Сулла существенно изменил систему римского провинциального управления. Согласно его установлениям, все преторы должны были в течение года руководить гражданским и уголовным судопроизводством в Риме и лишь затем в качестве пропреторов отправляться в провинции. Таким образом, в новой системе должность praetor pro consule Ближней Испании не предусматривалась³². Вероятно, не следует преувеличивать жесткость этой системы, и даже после Суллы претор, как и консул, при необходимости имел законную возможность выехать в провинцию до окончания срока своей должности³³; тем не менее, говорить о том, что некто был избран на должность претора Ближней Испании, на мой взгляд, некорректно. Такое было не характерно даже для досулланской системы: провинции преторов определялись не до выборов, а уже после их вступления в должность либо решением сената, либо метанием жребия.

Чтобы подкрепить свое предположение, А.В. Коптев цитирует Псевдо-Аврелия Виктора: «Посланный в Испанию претором с проконсульской властью, он (Помпей. – О.Л.) победил Сертория». Однако в примечании процитирован латинский текст Аврелия Виктора, в котором использовано выражение не *cum imperio proconsulare*, не *pro consule*, а *pro consulibus*, «вместо консулов», восходящее к Л. Марцию Филиппу (Cic. Leg. Man. 62; Phil. XI. 18, подробнее об этом выражении см. ниже). Далее А.В. Коптев, отвергая свидетельство Цицерона (Phil. XI. 18), пишет: «Pro consulibus его послали не потому, что против Сертория отказались выступить консулы 77 г., а потому, что с этой задачей не справились проконсулы Метелл и Кальвин» (с. 96). С предложенным объяснением вряд ли можно согласиться. Во-первых, если Метелл Пий действительно был консулом в 80 г., то Кальвин эту должность никогда не занимал и не мог быть назван консулом ни в каком смысле. Во-вторых, Помпей стал преемником не Кальвина, погибшего в 79 г.³⁴, а Калидия, для которого не засвидетельствовано не только консульство, но даже проконсульские полномочия (Ps.-Ascon. 145 Or.). В-третьих, можно сказать, что Помпея отправили в Испанию вместо Калидия – но никак не вместо Метелла, потому что его-то Помпей не сменял.

Рассмотрение вопроса о наделении Помпея полномочиями против пиратов согласно закону Габиния А.В. Коптев завершает на с. 96 фразой: «...создается впечатление о формировании нового правового основания для проконсульского империя, в роли которого выступает сенатусконсульт о наделении провинцией и его утверждение трибутными комициями». Однако на самом деле порядок событий был обратным: сенат отказался проголосовать за законопроект Габиния, и трибун внес его в народное собрание без предварительного одобрения сената (Dio Cass. XXXVI. 24. 1–3); лишь после того, как народ принял закон о наделении Помпея полномочиями, сенат тоже утвердил эти мероприятия (Dio Cass. XXXVI. 37. 1).

Далее, на с. 97, А.В. Коптев цитирует пассаж из речи Цицерона «О Манилиевом законе» (61), связанный с командованиями Помпея в качестве частного лица в

³¹ Jashemski 1950, 122–126, cp. 101, nt. 1.

³² Brennan 2000, 394.

³³ Balsdon 1939, 57–73, о преторах см. 59.

³⁴ Broughton 1952, 84.

83–71 гг., и комментирует его так: «Следует ли воспринимать слова Цицерона буквально? Сомневаться в этом заставляют слова Цицерона о триумфе Помпея в роли частного лица». Однако в тексте, приведенном немного выше, Цицерон упоминает о триумфе не частного лица, а римского всадника, имея в виду, что на момент первых двух триумфов Помпей еще не зачислен в сенат³⁵. Это подтверждает и Веллей (II. 30. 2), а Плутарх (Ром. 22. 4–6) рассказывает, что в 70 г., в свое консульство, Помпей принял участие в смотре всадников, который, очевидно, предшествовал пересмотру списка сената, куда цензоры затем включили Помпея.

На с. 99 автор рассматривает свидетельство XI филиппики Цицерона (17–18), где говорится, что сенат поручил войну против Сертория частному лицу (*Sertorianum bellum a senatu privato datum est*) и комментирует его так: «...все говорит о том, что Помпей получил магистратуру претора одной из двух испанских провинций. Для риторического упражнения Цицерона, видимо, имело значение, что испанская (как и сицилийская или сардинская) претура отличалась от традиционной городской претуры, как и от магистратуры peregrinus претора, учрежденной в 242 г.» Испанская претура действительно отличалась от городской или peregrinus; однако, как уже говорилось выше, в постсулланский период испанской претуры (как и сицилийской, и сардинской) более не существовало: все преторы в течение года своей должности руководили судопроизводством в Риме. Кроме того, в указанном месте речи не говорится ни слова о претуре как таковой или каких-либо ее разновидностях, и представляется невероятным, чтобы Цицерон мог назвать претора Испании (даже если бы такая должность продолжала существовать) частным лицом. Таким образом, остается непонятным, почему А.В. Коптев считает, что для Цицерона в данном случае имело значение именно различие двух претур.

На с. 99–100 А.В. Коптев отмечает разницу между консулом, который мог многократно возобновлять военный империй в течение года своей должности, и промагистратом, который однажды отправлялся в провинцию и возвращался в Рим лишь по окончании отведенного ему срока. Далее автор пишет: «Одно из обвинений Цицерона в адрес Верреса в 70 г. состояло в том, что тот неоднократно нарушал обычай восстанавливать ауспиции после пересечения римского померия»; за этим следует цитата (Verr. II. 5. 34) и завершающее предложение: «Сходство сицилийского претора (как и преторов Испаний и Сардинии) с промагистратами проявлялось в том, что все они отправляли должность в провинции, вступая в которую облачались (*sic*) военным империем». Здесь возникает сразу два возражения. Во-первых, Цицерон ничего не говорит о том, что Веррес обязан был восстановить утраченные ауспиции, и из его слов не следует, что он вообще считает это возможным. Нарушение «божеского права, ауспиций, всех заветов богов и людей» (пер. В.О. Горенштейна) могло состоять просто в том, что Веррес сперва выехал в военном плаще, а потом вновь вошел в пределы померия, следовательно, утратил империй, однако незаконно продолжает его осуществлять. Во-вторых, Веррес был не претором, а пропретором Сицилии в 73–71 гг.; должность претора он отправлял в 74 г. в Риме – это была городская претура, которой посвящена немалая часть первой речи Цицерона против Верреса во второй сессии (103–158). Таким образом, сходство сицилийского претора с промагистратом демонстрируется на примере человека, который был не претором, а как раз промагистратом этой провинции.

³⁵ В 120-х годах был принят плебисцит, согласно которому лица, включенные в сенат, должны были сдать общественного коня, т.е. покинуть сословие всадников: *Cic. Rep. IV. 2*; Nicolet 1966, 103–106.

В следующем абзаце А.В. Коптев пишет: «В послегражданскую или послесулланскую эпоху, по-видимому, формируется представление, что и промагистрат, подобно высшим магистратам, мог посещать Рим, обновляя свой империй с помощью обрядов на Капитолии. Специального закона на этот счет не было, однако экстраординарное положение Помпея, не раз после 67 г. получавшего империй, не занимая ординарной магистратуры, способствовало утверждению этой идеи». На чем основано последнее предположение, остается неясным: никаких источников, подтверждающих, что в указанный период Помпей, обладая промагистратским империем, посещал Рим и затем обновлял свой империй при помощи обрядов на Капитолии, не приводится³⁶.

Далее А.В. Коптев рассматривает политические дебаты 50-х годов, связанные с куриатным законом об империи и правом промагистратов Ап. Клавдия Пульхра и Г. Помпины на командование и триумф. Должна признать, что позиция автора и его выводы по данным вопросам также остались мне непонятными. Рассмотрение ситуации, в которой оказался Аппий Клавдий вследствие того, что для него своевременно не был проведен куриатный закон об империи, завершается утверждением: «В конечном итоге Клавдий управлял Киликией, вел там войну и рассчитывал на триумф, что означает наличие у него и ауспиций, и империя» (с. 101). Возникает вопрос: каким образом Аппий получил то и другое? На него возможно два ответа. Либо для обладания ауспициями и империем куриатный закон не требовался, как заявлял сам Аппий (*Cic. Fam. I. 9. 25*) — однако этот ответ противоречит собственным утверждениям автора: «магистрат не получал военных полномочий, если не проводил специальный куриатный закон» (с. 85) и «в эпоху Поздней республики военный империй рассматривался как часть магистратских полномочий, но чтобы его активировать, нужен был куриатный закон» (с. 90). Либо куриатный закон все же требовался и Клавдию удалось его провести — однако автор нигде этого не утверждает и не предполагает, а источники молчат. Из переписки Цицерона очевидно, что вопрос о необходимости куриатного закона для обладания военной властью вызывал в сенате разногласия и единого мнения по этому поводу не было, однако А.В. Коптев так и не поясняет, чья позиция, по его мнению, была лучше обоснована юридически. Немного ниже (с. 103) автор возвращается к данной проблеме и пишет о том, что «в отсутствие куриатного закона Аппий Клавдий все же обладал военным империем, хотя бы и “неправомочным” и мог беспрепятственно управлять провинцией и вести там военные действия, однако по возвращении в Рим его право на триумф и его распоряжения могли быть оспорены. Однако неясно, что стоит за выражением «неправомочный империй». Почему Аппий мог управлять провинцией — потому что имел на это право, невзирая на отсутствие куриатного закона, или просто потому, что никто не в состоянии оказался ему воспрепятствовать? Почему распоряжения Аппия в провинции не были оспорены — потому что они были законными даже без куриатного закона или потому что влияние консулара возобладало над правовыми соображениями? Эти вопросы остаются без ответа. Дело осложняется и тем, что в качестве параллели

³⁶ Собственно говоря, один источник все же имеется, хоть и не упомянут автором: в 56 г. Помпей, обладавший тогда проконсульским империем (Broughton 1952, 203–204; 211), вошел в пределы померия, чтобы произнести похвальную речь о П. Сестии (*Cic. Fam. I. 9. 7*). Однако о процедуре возобновления его империя ничего не сообщается. Д.Р. Шэкleton Бэйли полагает, что Помпей в этом случае получил особое разрешение сената: Shackleton Bailey 2004b, 392. Впоследствии Помпей неизменно воздерживался от пересечения померия, даже во время чрезвычайно важного для него суда над Габинием (ср. *Cic. Q. Fr. III. 4. 2*).

А.В. Коптев приводит отказ сената утвердить восточные распоряжения Помпея Магна в 61 г., однако в источниках нет ни намека на то, что основанием для отказа в этом случае служил неправильно проведенный или отсутствовавший куриатный закон, и вряд ли такая постановка вопроса в принципе была возможна после того, как сенат уже предоставил Помпею триумф.

Такая же неясность возникает и при рассмотрении ситуации с Гаем Помптином, который притязал на триумф и в конце концов справил его, несмотря на то, что куриатный закон о его империи был проведен неправильно. А.В. Коптев подчеркивает, что Цицерон не сомневался в праве Помптина на триумф (с. 102), однако из писем, на которые он ссылается, это не следует. В письме Q. fr. III. 4. 6. Цицерон пишет, что хочет быть вместе с Помптином во время триумфа, однако неизвестно, чем он руководствуется: соображениями законности и справедливости или же политической целесообразностью. В письме Att. IV. 18. 4 Цицерон признает, что куриатный закон об империи Помптина действительно проведен неправильно, однако не поясняет, как это обстоятельство влияет на законность его триумфа и лишь предсказывает, что Помптину удастся преодолеть сопротивление недругов. Остается непонятным, считает ли А.В. Коптев триумф Помптина законным или нет; в целом его изложение этого эпизода оставляет впечатление, что Помптин имел право на триумф (хотя напрямую это нигде не сказано); если так, то возникает вопрос – почему? Потому, что в действительности куриатный закон был проведен без погрешности? Но А.В. Коптев не приводит свидетельств, опровергающих уверенное заявление Цицерона о том, что закон принят неправильно. Или потому, что погрешности при проведении закона не лишали Помптина права на триумф? Тогда непонятно, для чего вообще нужен был куриатный закон.

Далее автор переходит к правовым последствиям закона Помпея о провинциях и пишет: «откуда же наместник провинции получал ауспиции и империй после пятилетнего перерыва, предусмотренного законом Помпея? Высказывалось мнение, что, отправляясь в провинцию после сложения магистратуры и перерыва, промагистрат должен был проводить новый *lex curiata* о своем империи. Но нет сведений, что он заново проводил *lex curiata*, и вообще нигде не говорится, что *lex curiata* можно или нужно было проводить два и более раз. Напротив, ситуация с консулом Аппием Клавдием в 54 г. показывает, что было достаточно однажды проведенного *lex curiata*» (с. 103). Остается непонятным, каким образом история Аппия Клавдия служит доказательством этого тезиса, ведь сам автор на с. 101 пишет о том, что «Клавдий по какой-то причине не провел куриатный закон в начале своего консульства». Тогда о каком же «однажды проведенном *lex curiata*» здесь идет речь?

О том, что повторного проведения куриатного закона для возобновления империи после сложения магистратуры не требовалось, свидетельствует, по мнению автора, и специальное постановление об империи проконсула М. Клавдия Марцелла в 211 г. (с. 103) А.В. Коптев излагает эту историю так: «Предоставление ему овации создало проблему для его возвращения к войскам, ведь, пересекая померий в торжественной процессии, он должен был утратить свой империй. Тогда сенат принял решение, чтобы народные трибуны провели в трибунном собрании закон, который сохранял Марцеллу империй на день овации (Liv. XXVI. 21. 5)» (с. 100, прим. 94). Однако указанной проблемы не существовало: после овации Марцелл не планировал возвращаться к войскам в прежней должности проконсула, на Сицилии его уже сменил М. Корнелий Цетег (Liv. XXVI. 21. 13; 17). В следующем, 210 г. Марцелл действительно возглавил войско, но лишь после того, как был

избран консулом в четвертый раз (Liv. XXVI. 22. 13); таким образом, империй был предоставлен ему заново и не являлся продолжением предыдущего (и куриатный закон о нем, вероятно, был принят в соответствии со стандартной процедурой; по крайней мере, для этого не было никаких препятствий). Что же касается закона о сохранении Марцеллу империя на день овации, то подобный закон требовался всем промагистратам, вступавшим в пределы померия с триумфом или овацией³⁷, и его принятие вовсе не означает, что триумфатор продолжал обладать военной властью и после этой церемонии.

Немного ниже А.В. Коптев иллюстрирует свою мысль о том, что повторное проведение куриатного закона не требовалось, еще на одном примере: «Цицерон, вступивший в управление Киликией через 11 лет после своего консулата, также обладал империем (Fam. III. 2. 1; Att. VII. 7. 4). О проведении им нового куриатного закона сведений нет. Следовательно, его империй был продолжением его консульского, который был заново активирован с помощью исполненных на Капитолии ритуалов, обновлявших ауспиции магистрата, однажды проводившего *lex curiata*» (с. 103). Прежде всего сама логика данного рассуждения представляется безупречной. Предположим, что о проведении нового куриатного закона для Цицерона данных нет – однако нет и сведений о совершенных им обрядах на Капитолии; по крайней мере, автор не приводит никаких ссылок, подтверждающих это. Тогда на каком же основании он утверждает, что куриатного закона не было, но обряды были? Однако возможно, что и сама предпосылка данного умозаключения ошибочна. Цицерон, ставший проконсулом Киликии в 51 г., в письме к консулу этого года М. Марцеллу просит, чтобы ему «ничего не прибавляли к тому сроку, какой ты определил для меня на основании постановления сената и по закону» (пер. В.О. Горенштейна)³⁸; упомянутый здесь закон вполне может быть куриатным законом об империи Цицерона, который Марцелл провел перед отъездом наместника в провинцию³⁹. Возможно, впрочем, что А.В. Коптев толкует это свидетельство иначе – хотя уверенности здесь нет, так как он не ссылается на данный пассаж и не комментирует его. Однако далее он пишет, что «источником проконсульского империя было постановление собрания триб о предоставлении ему (Цицерону. – О.Л.) провинции» (с. 103). Если так, то хотелось бы увидеть обоснование, почему закон, упомянутый Цицероном, следует интерпретировать именно как решение трибутных, а не куриатных комиций, или ссылку на исследования, где это обоснование приведено. Данный вопрос, с одной стороны, весьма спорен⁴⁰, а с другой стороны, имеет важнейшее значение для всей аргументации А.В. Коптева, поэтому представляется, что на нем следовало бы остановиться более подробно. Далее в этом же абзаце автор пишет: «Трибутные комиции не могли инициировать ауспиции и империй, как куриатное собрание, но могли придать силу уже существовавшим, продлить их». Однако выше (с. 86) говорится, что, пересекая померий, магистрат, срок полномочий которого истек, «складывал военный империй *насовсем*» (курсив мой. – О.Л.). Таким образом, когда срок консульства Цицерона закончился, а он не

³⁷ Ср. Liv. XLV. 35. 4; Beard 2007, 202.

³⁸ Cic. Fam. XV. 9. 2: *ne quid accedat temporis ad id, quod tu mihi et senatus consulto et lege finisti*. Ср. Cic. Fam. II. 7. 4; XV. 14. 5.

³⁹ Данное мнение см. в работах: Stevens 1938, 180–181; Cuff 1958, 447; 455–456; Shackleton Bailey 2004a, 304–305.

⁴⁰ Например, Э. Маршалл тоже не считает, что речь здесь идет о куриатном законе, однако по его мнению, закон об империи Цицерона был принят скорее центуриатными, чем трибутными комициями: Marshall 1972, 892–895.

выехал в провинцию и остался в Риме в пределах померия, его империй должен был прекратиться «насовсем» и уже не подлежал продлению.

Далее А.В. Коптев переходит к консульству Помпея без коллеги и его закону о провинциях. Излагая обстоятельства его назначения, автор пишет: «Помпей получил право выбрать себе коллегу через два месяца, если захочет, при условии лишь, что этим коллегой не будет Цезарь (Plut. Pomp. 54; Dio Cass. XL. 50. 4)» (с. 104). Представляется, однако, что сообщение Диона Кассия изложено здесь неверно: историк не говорит о каких-либо условиях, поставленных Помпею; по его словам, Помпею предоставили консульство, чтобы он не был назначен диктатором, причем одному – чтобы его коллегой не стал Цезарь⁴¹.

Далее А.В. Коптев утверждает, что «те магистраты, чьи магистратские полномочия истекли и не были продлены, но по каким-то причинам не сложили своего империя, оказывались в положении *privati cum imperio*» (с. 104). Непонятно, однако, каким образом магистрат мог оказаться в таком положении. Либо по окончании года должности в Риме он просто слагал полномочия и оставался в городе, либо он отправлялся в провинцию и слагал империй по возвращении оттуда, когда пересекал померий. Далее автор пишет, что после принятия закона Помпея в положении *privati cum imperio* «оказались сложившие должность консулы и преторы, ожидавшие направления в провинцию» (с. 104). Но неясно, из чего следует, что указанные лица сохраняли за собой империй. Мне кажется, что данное предложение прямо противоречит следующему: «Участие в городской жизни и политике должно было лишать их империя, который оставался за пределами померия»⁴². Впрочем, эти вопросы скорее следует поставить в один ряд с теми, которые были заданы в самом начале: это не фактические ошибки, но неясные и противоречивые рассуждения, проследить за которыми мне, к сожалению, не удается.

Однако главное, с чем, по моему мнению, невозможно согласиться в работе А.В. Коптева – это его подход к работе с источниками. Проанализировав раннюю карьеру Помпея, автор приходит к выводу, что Помпей вел военные действия на Сицилии, в Африке и Испании в 82–71 гг. в качестве претора. Данный вывод прямо противоречит огромному массиву источников, согласно которым Помпей в эти годы имел статус *privatus cum imperio* и не занимал магистратур⁴³, и прежде всего – прямому утверждению Цицерона, современника событий, который произнес речь об империи Помпея в 66 г., менее чем через пять лет после его второго триумфа⁴⁴. Столь убедительным свидетельствам о карьере Помпея автор противопоставляет только упоминание Псевдо-Аврелия Виктора о том, что Помпей был послан против Сертория претором вместо консулов (De vir. ill. 77. 4; о неточном переводе этого места у А.В. Коптева см. выше): данный пассаж, по его мнению, дает основания утверждать, что версия об избрании Помпея претором существовала в античности (с. 96). Однако вряд ли свидетельство столь позднего и ненадежного источника может опровергать сведения Цицерона и Тита Ливия, тем более что на с. 94 сам автор цитирует утверждение Псевдо-Аврелия Виктора о том, что Помпей воевал

⁴¹ Dio Cass. XL. 50. 4: *προκατέλαβον τὴν τοῦ πλῆθους ὀρμὴν, τῷ Πομπηίῳ τὴν ὑπατείαν, ὥστε μὴ δиктатора αὐτὸν λεχθῆναι, καὶ μόνον γε, ἵνα μὴ ὁ Καῖσαρ αὐτῷ συνάρξῃ, δόντες.*

⁴² Можно отметить и неточность автора, допущенную на этой же странице: наместничество Цицерона в Киликии началось не в 50 г., как он пишет, а в 51 г. (Cic. Att. V. 15. 1)

⁴³ Liv. Per. 89, 91, 97; Vell. II. 30. 2; Val. Max. VIII. 15. 8; Plut. Pomp. 14.1, 6; 17.4; 22. 4–6; App. BC. I. 121; Gran. Lic. XXXVI. 2 C; De vir. ill. 77. 3.

⁴⁴ Cic. Leg. Man. 61–63, ср. Phil. XI. 18.

против Лепида в качестве *privatus* (De vir. ill. 77.3), которое, по-видимому, считает ошибочным. Информацию данного источника о должностях римских полководцев вообще трудно считать достоверной: так, он называет преторами консула Г. Гостилия Манцина, направленного в 137 г. против Нуманции (59. 1), легата М. Скавра, воевавшего в 111 г. против Югурты (72.5), пропретора Л. Лукулла, управлявшего в 77–76 гг. Африкой (74. 3), пропретора Суллу в период его киликийского наместничества (75.4), а также пишет о том, что Главция и Меммий соперничали друг с другом из-за претуры, а не консульства (73.9); при этом термины *propraetor*, *pro praetore* и *pro consule* не упоминаются у данного автора ни разу, а термин *proconsul* — лишь один раз, причем не в основном тексте, а в дополнении Андрея Скотта (82.5), и как раз в том случае, когда речь, вероятно, должна идти о легате с преторскими полномочиями⁴⁵. На этом фоне было бы даже удивительно, если бы статус Помпея в Испании Псевдо-Аврелий Виктор обозначил так же, как Ливий (per. 91), т.е. *equus Romanus cum imperio proconsulare*. Представляется, что если сведения Псевдо-Аврелия Виктора о титуле римского полководца расходятся со свидетельством современника, то это следует расценивать как простую неточность, характерную для данного источника, а не как отражение некой альтернативной версии.

Аргументы, при помощи которых А.В. Коптев объясняет столь абсолютное преобладание в источниках неверных, по его мнению, сведений о полномочиях Помпея, также не выглядят убедительными. Он полагает, что Цицерон в речи «О Манилиевом законе» (61–63) намеренно вводит в заблуждение своих слушателей и представляет Помпея в качестве *privatus* и в 82–81, и в 77–71 гг. (хотя он таковым не являлся), чтобы «произвести впечатление на слушателей» и «показать, что для Помпея было привычным действовать в качестве *privatus cum imperio*, и всегда он делал это успешно» (с. 97). Однако на мой взгляд, невозможно представить себе, что столь откровенная лож могла произвести на аудиторию какое-то впечатление, кроме крайне негативного. Неужели слушатели Цицерона в 66 г. не помнили, что сами 11 лет назад избрали Помпея претором, неужели они уже забыли, в качестве кого Помпей отпраздновал триумф всего пять лет назад? Даже если предположить столь невероятную ситуацию, противники Манилиева законопроекта, которых было немало, не замедлили бы поймать Цицерона на лжи, что свело бы на нет все его усилия. Такой выдающийся оратор, как Цицерон, не мог позволить себе публичные заявления, диаметрально противоположные реальности; тем более он не стал бы так явно их подчеркивать.

Более того, стоит задаться вопросом — так ли уж важен был именно статус Помпея как *privatus cum imperio* для аргументации Цицерона? Ведь сам А.В. Коптев не отрицает, что в 67 г. Помпей уже получил империй против пиратов без занятия магистратуры, будучи частным лицом. Следовательно, к моменту произнесения речи «О Манилиевом законопроекте» прецедент в любом случае был уже создан; Помпей уже являлся *privatus cum imperio* и принятие или непринятие Манилиева законопроекта никак не меняло его правового статуса. В таких условиях Цицерону вдвойне глупо было бы ссылаться на вымышленные прецеденты, рискуя быть пойманным на лжи.

Представляется, что суть данной полемики состояла в другом. Главные возражения противников законопроекта обуславливались не тем, что империем наделяется частное лицо — ведь это было сделано еще год назад, — а тем, что предоставляемые полномочия невероятно велики (особенно в сумме с тем империем,

⁴⁵ Наместничество М. Брута в Цизальпийской Галлии в 46 г.: см. Broughton 1952, 301.

который уже имелся у Помпея согласно Габиниеву закону), что ставит Помпея в исключительное положение в государстве⁴⁶. Необычайная карьера Помпея в 70-х годах описана Цицероном так подробно не для того, чтобы обосновать предоставление империя частному лицу как таковое, а для того, чтобы напомнить, что Катул ранее не возражал против необычайных почестей, предоставленных Помпею, и даже поддерживал их, а потому он должен быть последователен и поддержать также предложение Манилия. А успехи Помпея против пиратов, по мысли Цицерона, должны продемонстрировать слушателям, что предоставление полководцу обширнейших полномочий, распространявшихся на все Средиземноморье, было продиктовано военной необходимостью и вполне себя оправдало, а потому можно и далее действовать в том же направлении.

Представляется, что именно в этом состоит объяснение подмеченного А.В. Коптевым обстоятельства: Цицерон не приводит здесь в качестве прецедента командование Сципиона Старшего в качестве *privatus cum imperio*. Вряд ли полномочия молодого Сципиона в Испании кто-либо представлял как непомерно широкие, а его тогдашнее положение – как угрозу для государства, и весь этот эпизод не давал оратору возможности обвинить противников в непоследовательности. С другой стороны, объяснение, предложенное самим А.В. Коптевым, *в рамках его собственной концепции* не представляется убедительным. Он пишет: «Вполне возможно, что в это время история отправки Сципиона в Испанию в 210 г. еще не представляла его частным лицом с империем» (с. 97). Однако если, по его мнению, в 66 г. Цицерон успешно ввел в заблуждение свою аудиторию относительно империя Помпея в 82–71 гг., то что же мешало оратору провозгласить любой выгодный ему вымысел насчет деятельности Сципиона Старшего в 210–206 гг.?

Можно отметить и еще одно спорное рассуждение А.В. Коптева, связанное с речью «О Манилиевом законе». На с. 95 он утверждает, что версия о том, что Помпей направлен в Испанию не *pro consule*, а *pro consulibus*, восходит к Цицерону. Однако сам оратор приписывает эти слова Л. Марцию Филиппу (*Cic. Leg. Man. 62; Phil. XI. 18*). Даже если «Цицерон здесь, стремясь возвеличить Помпея, явно завышал планку», остается непонятным, для чего он отдал Филиппу собственную удачную остроту – автор никак этого не поясняет. Данная деталь может показаться мелочью; однако если считать, что эти слова действительно сказаны в 77 г. Филиппом, а не придуманы в 66 г. Цицероном (а противное не доказано), то крайне трудно согласиться с тем, что в 77 г. Помпей занимал должность претора.

Утверждение о том, что Помпей вел войну против Сертория в качестве частного лица, Цицерон повторяет и в XI филиппике, произнесенной в марте 43 г. (18). А.В. Коптев полагает, что данные рассуждения Цицерона направлены против Долабеллы, назначение которого в Азию было проведено с ошибками, и «поэтому Цицерон в 11-й филиппике называет его частным лицом» (с. 98). Последнее утверждение не подтверждено ссылкой, и мне не удалось найти в XI филиппике это место, что и неудивительно: к моменту произнесения данной речи Долабелла был объявлен врагом государства (*hostis est iudicatus Dolabella*, 16), и правильность оформления его полномочий уже не имела никакого значения. В действительности

⁴⁶ *Cic. Leg. Man. 51*: «Что же говорит Гортенсий? Если надо облечь всей полнотой власти одного человека, то, по мнению Гортенсия, этого наиболее достоин Помпей, но все же предоставлять всю полноту власти одному человеку не следует». Ср. *Cic. Leg. Man. 59*, вопрос, который Катул задал народному собранию: «Кто будет вашей надеждой, если с Гнеем Помпеем, которому выверяете всю полноту власти, что-нибудь случится?» (курсив мой. – О.Л.) (пер. В.О. Горенштейна).

оратор здесь возражает против предложения о наделении П. Сервилия Исаврика (который являлся тогда частным лицом), империем для войны против Долабеллы (16–20, ср. 25), и добивается, чтобы это назначение получил проконсул Кассий (29–31). Он заинтересован в том, чтобы продемонстрировать, что экстраординарные назначения опасны и допустимы лишь в случае крайней необходимости, и доказывает это на нескольких исторических примерах. Казалось бы, в этой речи Цицерон решает задачу, противоположную той, которая стояла перед ним в 66 г., и если тогда оратор, по мнению А.В. Коптева, вопреки исторической правде, изображал претора Помпея как *privatus cum imperio*, то теперь логично было бы ожидать, чтобы Цицерон, наоборот, назвал его магистратом – каковым тот, как считает автор, и являлся на самом деле. Если в 66 г. Цицерон, по мнению А.В. Коптева, мог рассчитывать на то, что его аудитория уже забыла события 11-летней давности, то в 43 г., в условиях гражданской войны, он тем более мог не опасаться, что кто-то вспомнит его речь, произнесенную более двух десятков лет назад, и поймает его на прежней лжи. Однако Цицерон и здесь вновь повторяет, что Помпей в 77 г. был направлен в Испанию как *privatus*, и лишь поясняет, что это решение диктовалось необходимостью, то есть, нежеланием консулов отправляться на эту войну. Представляется, что утверждение Цицерона о статусе Помпея в 77–71 гг., повторенное дважды, с интервалом в 23 года, в диаметрально противоположных обстоятельствах, не оставляет практически никаких сомнений в том, что в эти годы Помпей действительно был *privatus*, даже если бы у нас не было иных источников. А.В. Коптев, однако, так и не объясняет, для чего Цицерон говорит об этом в XI филиппике, и лишь констатирует, что «использование этого примера Цицероном не означает, как можно подумать, что Помпей действительно был частным лицом в 77 г.» (с. 99). Примечательно, что обе речи Цицерона – «О Манилиевом законе» и XI филиппике – автор именует «риторическими упражнениями» (с. 97, 99). Не вполне понятно, что дает основания для такой характеристики, если обе эти речи были произнесены публично – первая в народном собрании, вторая в сенате – и возымели желаемое действие.

По мнению А.В. Коптева, Цицерон способствовал формированию образа Помпея как идеального *privatus cum imperio* не только под воздействием нужд политического момента, но и с более дальним прицелом – для того, чтобы обосновать его положение как *rector rei publicae*, что являлось альтернативной диктатурой (с. 105–106). Далее он пишет: «Историческим предтечей Помпея в роли *rector rei publicae* для Цицерона был Сципион Эмилиан и род Сципионов в целом. Поэтому, видимо, для живших тогда и воспитанных на трудах Цицерона античных историков идея распространения *privati cum imperio* оказалась подходящей для объяснения отказа римлян от диктатуры к концу второй Пунической войны». Хотелось бы, однако, видеть пример подобных рассуждений античных историков, ибо в конце III – начале I вв. между данными институтами (диктатура и *privati cum imperio*) наблюдается скорее прямая, чем обратная корреляция. Во Вторую Пуническую войну в источниках одновременно засвидетельствованы как диктаторы, так и *privati cum imperio*, но после окончания этой войны и те, и другие исчезают. Если последним диктатором до Суллы стал в 202 г. Г. Сервилий Гемин (Liv. XXX. 39. 4–5), то назначение частных лиц в Испанию в последний раз состоялось в конце консульского 200 г.⁴⁷, а после этого *privati* получали империй крайне редко: Л. Опий Салинатор

⁴⁷ Liv. XXXI. 50. 10–11; Jashemski 1950, 122.

в 192 г. на Сицилии⁴⁸; А. Постумий Альбин в 110–109 г. в Нумидии⁴⁹. Однако во время и после диктатуры Суллы предоставление империя частным лицам вновь производится значительно чаще. Представляется, что обилие сведений о *privatus cum imperio* в эпоху Второй Пунической войны объясняется не стремлением античных историков как-то объяснить отказ римлян от диктатуры, а просто потребностями тогдашней военной обстановки.

Дальнейшие рассуждения А.В. Коптева о сходствах между образами Помпея и Сципиона Африканского у историков императорского времени также не выглядят убедительными. Автор пишет: «Плутарх (Pomp. 7), рассказывая о начале карьеры Помпея, приписывает ему переманивание войск консула Сципиона, совершенное в реальности Суллой. (...) Сохранение Плутархом версии о мнимом достижении молодого полководца указывает на существование потребности ассоциировать Сципиона с Помпеем. На мой взгляд, эта ассоциация определялась родством консула 83 г. со Сципионом Африканским, рассматривавшимся в качестве предшественника Помпея в статусе *privatus cum imperio*» (с. 107). Прежде всего, следует отметить, что сам же автор на с. 89 писал о победе Помпея над Луцием Сципионом как о вполне реальном, а не вымышленном факте: «В 83 г. 23-летний Гней Помпей выступил на помощь Сулле и победил войска консула Сципиона, действуя по своей инициативе и без империя» (ср. также с. 91, где говорится о победе Помпея «над консульским войском»). Аргументируя свой тезис об удвоении данного события, А.В. Коптев пишет: «Сципион, отпущенный Суллой после утраты армии, больше не выступал против него» (с. 107, прим. 132). Однако Диодор (XXXVIII. 16) сообщает о том, что после того, как Сципион был отпущен Суллой, он опять принял знаки власти и снова командовал значительным войском, а согласно Аппиану (I.95), Сулла пообещал жестоко расправиться со всеми, кто помогал его врагам с того дня, как Сципион нарушил заключенное с ним соглашение. Поэтому сам факт удвоения событий в источниках вызывает большие сомнения⁵⁰.

Но допустим даже, что Помпею действительно было приписано достижение Суллы. Наиболее логичным будет предположение, что какой-то из авторов просто стремился прославить молодого полководца, но утверждение, будто это было сделано с целью сближения его образа с образом Сципиона Африканского, выглядит довольно натянутым. Разве к последнему перебежали вражеские войска? Если к Помпею переходит армия его противника Сципиона, каким образом это делает Помпея преемником брата прадеда этого Сципиона? Кто из римлян, прочитав рассказ о деяниях Помпея, вообще вспомнил бы о Сципионе Африканском и обстоятельствах его назначения в Испанию? Возникновение подобных ассоциаций очень маловероятно.

Далее автор пишет: «Подобно Публию Корнелию Сципиону, завоевавшему для римлян Испанию (по-видимому, речь идет об отце Сципиона Африканского Старшего. – *О.Л.*), отец молодого Помпея – Гней Помпей Страбон, консул 89 г., был прославлен своими воинскими талантами и ненасытным корыстолюбием» (с. 107). Здесь возникает вопрос: какие же выводы следуют из этого совпадения? Должны ли мы предположить, что сообщения источников о воинских талантах Сципиона-отца и/или Помпея Страбона не соответствуют действительности

⁴⁸ Jashemski 1950, 115.

⁴⁹ Jashemski 1950, 132.

⁵⁰ Все эти события подробно рассматриваются в статье: Короленков 2007, 118–122; А.В. Коптев ссылается на нее, однако не приводит каких-либо контрдоводов.

и вымышлены ради удовлетворения «потребности ассоциировать Сципиона (Африканского. — *О.Л.*) с Помпеем» (с. 107)? Если да, то чем эта фальсификация подтверждается? Если нет, то к чему это совпадение отмечается?⁵¹ Автор ограничивается намеком и предоставляет читателям расшифровать его самостоятельно; должна признаться, что мне это не удалось.

Далее А.В. Коптев рассматривает сведения о возрасте Сципиона и Помпея. Изложение этого эпизода не очень подробно, но в принципе понятно — за исключением вывода. Автор отмечает, что согласно Плутарху, Помпей впервые возглавил армию в 23 года (Pomp. 6), а в 24 г. был провозглашен императором⁵². С другой стороны, согласно Ливию (Liv. XXVI. 18. 7), Сципион Старший отправился в Испанию в 24 года; однако Полибий (X. 6. 10) говорит о том, что он начал испанскую войну на 27-м году. А.В. Коптев предлагает довольно правдоподобное объяснение данному противоречию: в другом месте (X. 3. 4) Полибий пишет, что во время битвы при Тицине (декабрь 218 г.) Сципиону шел 17-й год и это была его первая кампания: это дает 234 год рождения; тогда в 210 г., при назначении в Испанию, Сципиону действительно было бы 24 года. Однако «на 17-м году» у Полибия, вероятно, — не точный возраст Сципиона, а просто неперсонифицированное обозначение для новобранца, Ливий же воспринял их буквально. Все это вполне возможно, однако далее автор пишет: «Это обстоятельство позволяет предполагать, что традиционная история восхождения юного Сципиона к власти испытала определенное влияние биографии Помпея» (с. 107). Каков конкретный механизм этого влияния и как его наличие следует из предшествующего текста — остается непонятным. Неужели Ливий рассуждал так: раз Помпей получил империй в 24 года, то и Сципион должен был получить его именно в этом возрасте? Такой ход мыслей, пожалуй, был бы абсурдным. Может быть, А.В. Коптев просто имеет в виду, что Ливий счел правдоподобным более юный возраст Сципиона при получении империя, потому что знал об аналогичном примере Помпея? Но тут скорее следовало бы вспомнить не биографию Помпея, до которой историк на тот момент вряд ли добрался в своих исследованиях, а гораздо более яркий и свежий пример — карьеру Октавиана, которую Ливий мог наблюдать своими глазами.

Далее автор пишет: «Примечательно, что при Сципионе и его отце в Испании действовал легат Г. Фонтей, ничем себя не проявивший, а М. Фонтей был легатом в Нижней Испании в период около 83 г. и претором Нарбонской Галлии в 77–75 годах, когда Помпей воевал в Испании» (с.107–108). Снова неясно: какие выводы следуют из этого совпадения? Существование М. Фонтея не вызывает сомнений: сохранилась речь Цицерона в его защиту. Тиберий (а не Гай) Фонтей, легат Сципиона-отца, упоминается у Тита Ливия (Liv. XXV. 34. 8; 36. 12; 37. 4; XXVI. 17. 3), хотя из текста не очевидно, что он служил и под командованием Сципиона Африканского, а не просто передал ему армию. О легате Г. Фонтее Крассе, воевавшем против Гасдрубала в Испании, пишет Фронтин (Strat. I. 5. 12; IV. 5. 8), хотя неизвестно, под чьим командованием он действовал и можно ли идентифицировать его с Тиб. Фонтеем. Даже если отбросить сведения Фронтина, по-прежнему непонят-

⁵¹ Попутно можно заметить, что ни Сципион-отец, ни Помпей Страбон все же не числятся среди первых полководцев Рима; сведения же о корыстолюбии первого из них не встречались мне в источниках, а в статье А.В. Коптева не подтверждены ссылками.

⁵² Это не совсем точно: Помпей родился 29 сентября 106 г. (*Vell.* II. 53. 4; *Plin.* NH. XXXVII. 5. 13), а впервые его назвал императором Сулла в конце 83 г. или начале 82 г. — вскоре после того, как тот одержал верх над консулом Сципионом (*Plut.* Pomp. 8.2, ср. 7.3; *Crass.* 6.5). Молодому полководцу тогда еще не исполнилось 24 лет.

но: должны ли мы сделать вывод, что Ливий (или его источник) просто придумал Фонтея, легата Сципиона-отца, чтобы усилить сходство Сципиона Африканского с Помпеем? Но если он видел свою задачу именно так, то не логичнее ли было придумать самому Сципиону Африканскому (а не его отцу) какого-нибудь легата, который носил бы имя легата Помпея – а не наместника соседней провинции? В этом случае сходство было бы гораздо заметнее.

Следующая параллель, указанная А.В. Коптевым, выглядит еще удивительнее. Он пишет: «Приятель Цицерона Децим Лелий, трибун 54 г., был сторонником Помпея и командовал частью его флота (Cic. Att. XI. 14. 1). Цицерон представляет и его отца сподвижником Помпея Страбона, так же как два Гая Лелия были друзьями Сципиона Старшего и Эмилиана» (с. 108). В очередной раз возникает вопрос: что из этого следует? Все четыре Лелия прекрасно засвидетельствованы источниками и их существование и основные карьерные вехи не вызывают сомнений⁵³. Возможно, А.В. Коптев сомневается лишь в наличии наследственной дружбы между Помпеями и Лелиями, о которой говорит Цицерон (Flac. 14). Однако следует иметь в виду, что в деле Флакка Цицерон выступал как противник Лелия-сына, а косвенно – и самого Помпея, и едва ли в это время он хоть сколько-нибудь заботился о том, чтобы у его аудитории возникли ассоциации между Помпеем и Сципионом Африканским.

Возникает вопрос: с какой же целью был составлен этот заговор античных историков, в результате которого наши сведения о карьере Помпея (как и Сципиона Африканского) оказались столь искажены? А.В. Коптев отвечает на него так: историки эпохи Августа «таким образом обосновывали “традиционность” достижения власти своим патроном» (с. 108). Заключительные рассуждения А.В. Коптева следует привести целиком. Прочитав начало «Деяний Божественного Августа» (I. 1–3), автор далее пишет: «Согласно этому утверждению, Октавиан выглядит *privatus cum imperio*, который получил проконсульский империй от сената в обход обычного порядка его предоставления. Как носитель империя он стал адресатом *SC ultimum*. Иначе говоря, стоял вопрос о легитимности власти Августа до его избрания вместе с Квинтом Педием, суффектом вместо Гирция и Пансы. Если он не был *privatus cum imperio*, а получил империй лишь с избранием консулом, то легитимность его власти в начальный период карьеры и права на поддержание порядка в республике оказывались под вопросом. Поэтому рассматриваемое заявление Деяний божественного Августа, как представляется, стало отправной точкой конструирования исторических прецедентов, позволявших обосновать традиционность и законность статуса *privatus cum imperio*» (с. 108–109).

⁵³ В частности, сообщение Цицерона о дружбе Д. Лелия-отца с Помпеем Магном подтверждается сообщениями Саллюстия (Hist. II. 31), Фронтин (II.5.31 со ссылкой на Ливия) и Обсеквента (58) о том, что он был легатом Помпея в Испании и погиб там в сражении при Лавроне. Что касается его дружбы с Помпеем Страбоном, то мне не удалось найти свидетельства, подтверждающие ее. Возможно, А.В. Коптев имеет в виду пассаж Цицерона Flacc. 14, где говорится о Лелии-сыне: *Cn. Pompeium, quod L. Flacco esset vehementer inimicus, contendisse a Laelio, paterno amico ac pernecessario, ut hunc hoc iudicio arcesseret*, который В.О. Горенштейн перевел так: «Гней Помпей, злейший недруг Луция Флакка, потребовал, чтобы Лелий, друг его отца и очень близкий ему человек, привлёк Луция Флакка к этому суду». Представляется, однако, что *paternus amicus* здесь – это сын друга Помпея, а не друг отца Помпея, что гораздо лучше соответствует возрасту этих людей.

Представляется, что данные рассуждения логически небезупречны и противоречат свидетельствам, приведенным самим автором. Прежде всего, Август в данном пассаже совершенно не стесняется того, что «по своей инициативе и на свои средства снарядил войско» и, напротив, с гордостью это подчеркивает и ставит это себе в заслугу. Из его собственного текста очевидно, что указанные действия были предприняты, когда он был даже не *privatus cum imperio*, а просто *privatus*. Можно сделать вывод, что вопрос о легитимности его власти в этот период не представляется ему столь уж существенным. Далее, в «Деяниях» события действительно излагаются так, что Октавиан сначала получает империй, будучи частным лицом, и лишь позднее становится консулом. Не вполне понятно другое: почему А.В. Коптев пишет: «Если он не был *privatus cum imperio*, а получил империй лишь с избранием консулом...» и т.д. Что дает ему основания для такого предположения? Возможно, А.В. Коптев считает, что рассказ Августа не соответствует действительности: выше, на с. 89, он писал, что Октавиан получил империй лишь после смерти консулов, но в доказательство привел именно этот пассаж «Деяний», где сказано противоположное. Представляется, однако, что отрицать наличие империя у Октавиана в первой половине 43 г. просто невозможно, он слишком хорошо засвидетельствован источниками⁵⁴. Тогда в связи с чем могли бы возникнуть сомнения в легитимности его статуса в этот период? Даже если он был *privatus cum imperio*, то его положение уже имело множество прецедентов, начиная с 67 г. (даже в рамках собственной концепции А.В. Коптева, который отрицает более ранние эпизоды), и историкам не было никакой нужды искажать реальные факты и придумывать новые примеры.

Таким образом, аргументы, с помощью которых автор доказывает недостоверность свидетельств Цицерона, Ливия и всех последующих источников о положении Помпея в 82–71 гг., не кажутся мне убедительными. Как уже говорилось выше, он основывает аргументацию на своей теоретической модели функционирования империя и связи этого института с куриатным законом. Данная модель обосновывается на с. 85–91 статьи; ее внутренние логические противоречия уже указывалось, здесь же следует отметить, что основные положения собственной конструкции автор стремится подкрепить сообщениями тех самых источников – Цицерона и Ливия⁵⁵, – сведения которых о полномочиях Помпея он считает совершенно недостоверными, причем не из-за ошибки или случайной неточности, но вследствие целенаправленного искажения информации этими авторами. Возникает вопрос: если Цицерон и Ливий последовательно, намеренно и успешно создавали у своих слушателей и читателей превратное впечатление о природе империя, – можно ли вообще полагаться на их свидетельства по данному вопросу и класть их в основу теоретической модели? А впоследствии отдавать предпочтение данной модели перед конкретными указаниями данных (а также и многих других) источников о полномочиях Помпея?

Примечательно, что, подозревая историков эпохи Августа в искажении сведений о карьере Помпея в угоду принцепсу, А.В. Коптев, тем не менее считает возможным полагаться как раз на тот пассаж Ливия, в котором римский историк сам упоминает о прямом вмешательстве Августа в его работу. На с. 90 А.В. Коптев анализирует римское понятие *dux*, основываясь на свидетельстве Ливия (IV.20) о том, что

⁵⁴ Помимо указанного пассажа RGDA, см., например: *Cic. Phil.* V. 45–46; XI. 20; XI. 6; XIV. 28; *ad Brut.* I. 15. 7; ILS. 112.

⁵⁵ Прежде всего, это пассажи *Cic. Leg. agr.* II. 26–27; *Phil.* XI. 17–18; *Liv.* IV. 20. 6; VIII. 23. 11–12; 26. 7; XXI. 63. 1–11; XXII. 1. 6–7; XLI. 10. 1–13.

«в качестве полководца (dux. – О.Л.) мы признаем только того, под чьими ауспигиями ведется война»⁵⁶. Речь в этом пассаже идет об А. Корнелии Коссе, который посвятил доспехи вражеского вождя в храм Юпитера Феретрия. Ливий пишет, что все его источники называют Косса военным трибуном и лишь Август сообщил ему, будто видел в храме надпись, в которой Косс именуется консулом; по настоянию принцепса Ливий и изменил данный фрагмент своего повествования. Вопрос о том, кто именно обладал правом посвятить *spolia opima*, имел важное политическое и идеологическое значение в начале 20-х годов⁵⁷. На фоне глубокого скептицизма А.В. Коптева относительно сведений Ливия о карьере Помпея, его доверие к свидетельству этого же автора об эпизоде с Коссом выглядит довольно непоследовательно.

Неудивительно, что при таком подходе в статье встречается закольцованная аргументация. Так, в связи с казусом Аппия Клавдия автор пишет: «представляя консула Клавдия без куриатного закона, противники Помпея, таким образом, ставили под сомнение его консульский империй. Благодаря активному сопротивлению Клавдия эта история получила большой резонанс и в качестве нравоучительных примеров нашла отражение в изображении Ливием консулов Средней Республики, Гая Фламиния (217 г.) и Гая Клавдия Пульхра (177 г.). В этих рассказах Ливия проводится мысль, что магистрат в том случае обладал *imperium iustus*, если правильным образом оформил свои полномочия» (с. 102). Однако ранее А.В. Коптев использовал эти же самые пассажи (Liv. XXI. 63. 1–11; XXII. 1. 6–7; XLI. 10. 1–13) в доказательство своего главного теоретического тезиса: «Конституционный принцип позволял наделять империем только магистратов римского народа, но никак не частных лиц» (с. 85, прим. 4; 90). Но если в тексте Ливия отражаются не события 217 и 177 гг., а всего лишь аргументация политических противников Аппия Клавдия в 54 г., то возникает вопрос: откуда мы знаем, что правы были они, а не Аппий? Как мы можем это проверить⁵⁸?

Представляется, что при исследовании событий, происходивших в последние десятилетия Республики, следовало бы уделить больше внимания не конституционным формальностям, а реальному соотношению сил противоборствующих сторон. Не случайно в источниках сохранилось три высказывания весьма разных политиков, Мария, Помпея и Цицерона, с одним и тем же смыслом: когда говорит оружие – законы молчат (Plut. Mar. 28.2; Pomp. 10.2; Cic. Mil. 11). Даже если какое-то решение было незаконным, это вовсе не делает его невозможным. Сулла не имел права вводить армию в пределы померия, однако сделал это. Интеррекс не имел права назначать диктатора, однако Сулла получил эту должность именно таким образом (Cic. Att. IX. 15. 2; ср. Leg. Agr. III. 5; App. BC. I. 98–99). Его противники относились к законам столь же непочтительно: в период их господства кон-

⁵⁶ О противоречии этих рассуждений автора с предшествующими см. выше.

⁵⁷ См. Rich 1996 с библиографией.

⁵⁸ Попутно можно отметить, что свидетельство Варрона (ар. *Non*. p. 131 L) и Мессалы (ар. *Gell*. XIII. 15. 4) об империи, ауспигиях и куриатном законе, также очень важные для концепции А.В. Коптева (с. 89; 97), при желании можно отвергнуть на тех же основаниях, на каких автор отвергает свидетельства Цицерона и Ливия. Варрон и Мессала жили в последние десятилетия Республики, были активными политиками и вполне могли быть заинтересованы в создании у своих читателей искаженного представления по этим вопросам: Варрон много лет являлся сторонником Помпея и служил его легатом (Dahlmann 1935, 1175–1178), а Мессала лично участвовал в скандальных событиях, связанных с куриатным законом об империи Аппия Клавдия (Cic. Att. IV. 15. 7; 17. 2; Q. Fr. II. 14. 4; III.1.16).

сульскими фасциями обладают лица, назначенные без голосования⁵⁹, занимающие эту должность непрерывно несколько лет⁶⁰ или без коллеги в течение почти целого года⁶¹, два патриция одновременно⁶² и, наконец, 27-летний юноша⁶³. Многочисленные бессудные убийства, совершенные в эти годы, также общеизвестны. Было бы даже удивительно, если бы в подобных обстоятельствах именно предоставление империя Помпею было обставлено всеми необходимыми конституционными формальностями. Впрочем, в этом случае вряд ли молодой полководец вообще смог бы получить империй: ведь в силу своего возраста он не имел еще права занимать должность претора.

Разумеется, нельзя утверждать, что в годы гражданских войн формальности не имели вообще никакого значения; конечно, каждая сторона прилагала массу усилий, чтобы доказать, что закон на ее стороне, и обвинить противников в его нарушении. Однако вряд ли можно исходить из того, что соблюдение закона имело приоритет перед военной и политической целесообразностью. И если источники единогласно сообщают нам, что Помпей в 82–71 гг. являлся *privatus cum imperio*, то гораздо правдоподобнее допустить, что так оно и было, даже если это и противоречило закону, чем доказывать, что все эти источники недостоверны. Более того, в ряде случаев, – например, когда речь шла о столь архаическом институте, как *lex curiata de imperio* – в римской элите вообще не было единства мнений о том, как именно следует толковать закон⁶⁴, и подобные вопросы становились предметом дебатов, исход которых вполне мог определяться не правовыми, а политическими или даже военными аргументами.

В конце концов, предположим, что тезис А.В. Коптева о том, что «с точки зрения римских норм военный империй мог получить только магистрат, наделение им частного лица выглядит сомнительно» (с. 89), соответствует действительности (хотя его доказанность вызывает сомнения, о которых говорилось выше). Однако сам автор признает, что в последние десятилетия Республики традиционный порядок предоставления империя был подорван и часто нарушался (с. 104), понятие *privatus cum imperio* расширилось, а их число возросло (с. 105), и именно тогда и возникло представление, что империй может предоставляться частным лицам (с. 106). Автор связывает эти явления с положением и деятельностью Помпея после 67 г. Однако если допустить, что данный процесс начался несколько раньше – скажем, во время гражданской войны Суллы («поправшей традиционные устои римской конституции», по выражению самого А.В. Коптева (с. 106)), – то все становится на свои места⁶⁵ и отпадает необходимость оспаривать четкие и недвусмысленные указания древних авторов на то, что Помпей в 82–71 гг. действовал как *privatus cum imperio*. Представляется, что А.В. Коптеву так и не удалось опровергнуть эти свидетельства; более того, подобная задача вообще кажется мне невыполнимой. Таким образом, на мой взгляд, нет никаких оснований отказываться от традиционного представления о правовом статусе Помпея на первых этапах его карьеры.

⁵⁹ Марий и Цинна в 86 г.: *Liv. Per.* 80; *De vir. ill.* 69. 2.

⁶⁰ Цинна в 86–84 гг., Карбон в 85–84 и 82 гг.

⁶¹ Карбон в 84 г. (*Vell. II.* 24. 5; *App. BC.* I. 78).

⁶² Цинна и Флакк в 86 г.

⁶³ Марий-младший в 82 г. (*Vell. II.* 26.1; *App. BC.* I. 87).

⁶⁴ Ср., например, *Cuff* 1958, 464–468; Сморгачев 2012, 41–42, 54.

⁶⁵ В конце концов, разве Марий не был частным лицом, когда в 88 г. получил командование против Митридата? В своей статье А.В. Коптев никак не комментирует данное назначение.

Литература

1. Сморчков А.М. 2012: Религия и власть в Римской республике: магистраты, жрецы, храмы. М.
2. Короленков А.В. 2007: Луций Корнелий Сципион: консул, дважды оставленный войском // *Studia historica*. VII, 107–122.
3. Контев А.В. 2013: Гней Помпей Магн – *privatus cum imperio* // ВДИ. 4, 85–111.
4. Alexander M.C. 1990: *Trials in the Late Roman Republic, 149 BC to 50 BC*. Toronto–Buffalo–London.
5. Astin A.E. 1957–1958: The *lex annalis* before Sulla // *Latomus* 16. 4, 588–613; 17. 1, 49–64.
6. Astin A.E. 1967: *Scipio Aemilianus*. Oxf.
7. Badian E. 1955: The Date of Pompey's First Triumph // *Hermes*. 83, 107–118.
8. Badian E. 1961: Servilius and Pompey's First Triumph // *Hermes*. 89, 254–256.
9. Balsdon J.P.V.D. 1939: *Consular Provinces under the Late Republic. I. General Considerations* // *JRS*. 29. 57–73.
10. Beard M. 2007: *The Roman Triumph*. Cambr. (Mass.)–L.
11. Brennan T.C. 2000: *The Praetorship in the Roman Republic*. Oxf.
12. Broughton T.R.S. 1952: *The Magistrates of the Roman Republic*. Vol. II. N.Y.
13. Carney T.F. 1959: The Promagistracy at Rome 121–81 B.C. // *Acta Classica*. 2, 72–77.
14. Cuff P.J. 1958: The Terminal Date of Caesar's Gallic Command // *Historia*. 7, 445–471.
15. Dahlmann H. 1935: Terentius (84) // *RE*. Splbd. 6. Sp. 1172–1277.
16. Gruen E.S. 1974: *The Last Generation of the Roman Republic*. Berkeley–Los Angeles–London.
17. Humm M. 2012: The Curiate Law and the Religious Nature of the Power of Roman Magistrates // *Law and Religion in the Roman Republic* / O. Tellegen-Couperus (ed.). Leiden–Boston, 57–84.
18. Jashemski W.F. 1950: *The origins and history of the proconsular and propraetorian imperium to 27 B.C.* Chicago.
19. Leach J. 1978: *Pompey the Great*. L.
20. Mader G. 2006: Triumphant Elephants and Political Circus at Plutarch, «Pomp.» 14. 6 // *The Classical World*. 99, 397–403.
21. Marshall A.J. 1972: The *Lex Pompeia de provinciis* (52 B.C.) and Cicero's *Imperium* in 51–50 B.C.: Constitutional Aspects // *ANRW*. I. 1, 887–921.
22. Mommsen Th. 1876: *Römisches Staatsrecht*. 2. Aufl. Bd I. Lpz.
23. Mommsen Th. 1887: *Römisches Staatsrecht*. 3. Aufl. Bd I. Lpz.
24. Nicolet C. 1966: *L'ordre équestre à l'époque républicaine (312–43 av. J.-C.)*. P.
25. Rich J.W. 1996: Augustus and the *spolia opima* // *Chiron*. 26, 85–127.
26. Richardson J.S. 1991: *Imperium Romanum: Empire and the Language of Power* // *JRS*. 81, 1–9.
27. Santangelo F. 2007: *Sulla, the Elites and the Empire*. Leiden–Boston.
28. Seager R. 2002: *Pompey: A Political Biography*. Oxf.
29. Shackleton Bailey D.R. 2004a: *Cicero's Letters to Atticus*. Vol. 3 (Books V–VII. 9). Cambr.
30. Shackleton Bailey D.R. 2004b: *Cicero: Epistulae ad Familiares*. Vol. 1, 62–47 B.C. Cambr.
31. Smith R.E. 1960: Pompey's Conduct in 80 and 77 B. C. // *Phoenix*. 14, 1–13.
32. Stevens C.E. 1938: The Terminal Date of Caesar's Command // *AJPh*. 59, 169–208.
33. Sumner G.V. 1973: *The Orators in Cicero's Brutus: Prosopography and Chronology*. Toronto–Buffalo.

POMPEY'S *IMPERIUM* REVISITED

O. V. Lyubimova

The author of the article contests the hypothesis advanced by A.V. Koptev that in the late 80s and in 70s BC Pompey was not a *privatus cum imperio*, but had twice obtained praetorship and thereby held military commands. It is argued in the article that the theoretical model of *imperium* and its relationship with *auspices* and *lex curiata* developed by A.V. Koptev contains inherent logical contradictions, and the evidence on which it is based is characterized elsewhere as unreliable by A.V. Koptev himself. Besides, his analysis of the political events of the last decades of the Republic contains a number of factual errors substantially undermining his argumentation. Finally, A.V. Koptev has not succeeded in refuting convincingly the bulk of ancient evidence according to which Pompey had been *privatus cum imperio* before his first consulship. The author of the article considers improbable A.V. Koptev's view that all this evidence does not reflect the reality, but only political propaganda.

Keywords: Pompey, Cicero, Livy, *imperium*, *auspices*, *magistrate*, *promagistrate*, *praetor*, *legate*, *privatus cum imperio*.